

Шостакович Д. Д.

17 09 68

17 09 68

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

ТВОРЧЕСТВО Шостаковича в шестидесятые годы непрерывно эволюционирует. Создав вокально-симфоническую поэму «Казнь Степана Разина», композитор словно подвел итог своим работам эпической направленности (11-я, 12-я, 13-я симфонии). Влияние последнего монументального произведения сказалось на ряде сочинений лирико-драматических жанров, например, на Втором виолончельном концерте, Одиннадцатом квартете. Сочетание эпического и лирического начал в названных сочинениях опиралось на богатый интонационный запас «Разина» — многие мелодические открытия поэмы в новом облике ожили на страницах концерта и квартета.

Пытливая творческая фантазия Шостаковича постоянно ищет новые пути. Результатом этих поисков явился созданный в марте текущего года Двенадцатый квартет — одно из значительных этапных сочинений композитора. Такая оценка возникла уже при предварительном изучении партитуры и полностью подтвердилась после первого публичного исполнения на концерте в Малом зале Московской консерватории 14 сентября.

В Двенадцатом квартете сочетание эпического и лирико-драматического начал принимает форму их синтеза, при котором объективная сущность воплощаемых явлений действительности и их личное восприятие становятся неразрывным единством. При этом в квартете Шостакович отходит от мелодических оборотов «Разина» и других своих прежних сочинений и творит тематический строй, исходя из иных пред-

посылок. Оставаясь самим собой, композитор значительно обновляет музыкальный язык. Шостакович в некоторых темах квартета сочетает двенадцатизвуковую их состав с тоновой организованностью и, пользуясь этим синтезом, добивается насыщенности и лаконизма в выражении своих мыслей. Поэтому за те двадцать восемь минут, в течение которых раскрывается глубокое идейное содержание нового творе-

вое течение музыки первой части (moderato) — ее спокойный, летописный тонус — с драматическими событиями второй части, в свою очередь состоящей из четырех этапов повествования. В первом из них (allegretto) — своего рода скерцо — возникает поданный как бы через душевный фильтр мудрого сердца мир человеческих страстей, тревог, недоуменных вопросов. Поражает необычное сочетание диссонантной

гическим моментам жизни Шостакович противопоставляет в квартете не гневный протест, не активность деятельности, как он делал это ранее, а самое святое святых — чистоту моральных сил, заключенную в самой жизни. Когда же наступает заключительный этап в развитии образов квартета, то мы узнаем в этой музыке преображенные мотивы «скерцо» — все, что было в нем мучительным и неопределенным, становится теперь познанным. Пафос завершающих страниц квартета — сознание неистребимости жизненных сил, вечной их обновляемости.

Все сказанное обрисовывает лишь в самых общих чертах идейную концепцию квартета. Его чисто музыкальное обаяние, как всегда, не поддается словесному выражению. Передать силу самой музыки — дело исполнителей. В отчетном концерте эта почетная обязанность была возложена на неустанного пропагандиста камерного творчества Шостаковича — на Квартет имени Бетховена. Артисты, участники этого ансамбля, с честью вышли из трудного испытания, их подлинная увлеченность, горячая любовь к новому сочинению, как и к его автору, донесли до аудитории художественную силу и неповторимость этого выдающегося сочинения. Ко всему сказанному нужно добавить, что Двенадцатый квартет посвящен первому скрипачу квартета Д. Цыганову. Он и остальные участники ансамбля — Н. Забавников, Ф. Дружинин и С. Ширинский разделили с Д. Шостаковичем большой успех его нового произведения. **В. БОБРОВСКИЙ,**
доцент Московской консерватории.

МУЗЫКА, СЛАВЯЩАЯ ЧЕЛОВЕКА

О НОВОМ КВАРТЕТЕ ШОСТАКОВИЧА

ния Шостаковича, пытливый слушатель воспринимает большое количество художественно выразительной информации, требующей от него напряжения умственных сил, эмоций и фантазии.

О чем же говорит нам Двенадцатый квартет?

Прежде всего следует отметить высокий духовный строй его музыки. Мысль композитора охватывает всю сложность жизни, затрагивает вечные проблемы борьбы сил жизни и смерти. Возникает интересная аналогия — в самом строе чувств, выраженных в квартете, живет свойственная исполнительскому стилю Рихтера мудрость преодоленных страстей, высшая радость познания.

В квартете сталкивается велича-

фактуры с гармоничностью и мягкостью звучания. Далее возникает траурный эпизод — *adagio*, — его музыка, полная возвышенной красоты и проникновенности, волнует своей чисто шубертовской искренностью и непосредственностью выражения. Это диалог хоральных аккордов и страстно-сдержанного речитатива виолончели. Данный тезис вызывает драматически напряженное развитие, завершаемое вновь диалогом, проникнутым на этот раз уже полной безнадежностью. И здесь совершается подлинное художественное чудо — из мрака последнего аккорда внезапно возрождается светлый мир первой части. Теперь эта музыка захватывает нас выражением веры в человека. Тра-